

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ...

* * *

По тропинке крутой я спускаюсь с горы,
где рябины безмолвно горят,
где багряной листвы столбенеют костры,
как и многие годы назад.

Эти кроткие стражи родной стороны,
эти клены, березы, ручьи
вместе с жизнью тебе невозбранно даны,
как немые собратья твои.

Чтоб в любую беду и до смерти своей
ты нигде не остался один,
реют гордые кроны густых тополей,
в руки тянутся гроздьях рябин.

И когда тебе сил ни на что не собрать,
и когда тебя жизнь подвела,
обозначится их нерушимая рать,
прошумев от села до села.

СЫРНЕВА Светлана Анатольевна родилась в деревне Русско-Тимкино Кировской области. Окончила педагогический институт. Работала учительницей в сельской школе, корреспондентом и редактором в районной газете. Автор четырёх поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кирове.

Трепет лиственных уз, сила древних стволов
и корней, уходящих во тьму...
Ты так долго живешь, что и сам ты таков
и у них научился всему.

ЛИЛИЯ

Лилия белая в темном стакане,
не узнавая, глядит со стола.
Так же цвела она при Чингисхане,
при Иоанне Предтече цвела.

Гибли империи, рушились страны,
пепел вулканов сжигал письма,
и страсотерпцев сменяли тираны —
но никого не узнала она.

Жизнь, чем ты дальше, тем больше в могиле
копится мертвых — противу живых.
Но не пристало ни грязи, ни пыли
к белым одеждам красавиц слепых.

Страшен покой твоего караула,
бледный излом и кромешная мгла!
Белая лилия клюв разомкнула:
белая лилия вновь расцвела.

Все улетучилось, все догорело,
копятся в книжной пыли имена.
Всех проводила, на всех посмотрела,
но никого не узнала она.

СЕЛЬСКИЙ АНГЕЛ

Церковь закрыта в двадцать восьмом,
школа — в две тысячи пятом.
Плавают пух сорняков над селом,
силясь приткнуться куда-то.

Женщина выйдет, бледна и худа,
встанет босыми ногами,
время счастливое вспомнит,
когда бомбой нейтронной пугали.

Сорок семей: погибать по одной —
самая худшая участь.
Лучше накрыло бы общей волной,
сразу бы вместе, не мучась.

Тихо отпрянет куда-то во мглу,
в темные, старые сени.
Тянется длинный асфальт по селу,
взрытый пучками растений.

Церковь стоит посредине села,
церковь пустая, сквозная.
Липа ветвями ее обняла,
купол собой заменяя.

Ясен и светел над ней небосвод,
солнца и влаги хватает.
Ангел, сказали мне, в липе живет
и по ночам вылетает.

Чудится: робкий, неслышный, простой,
смотрит всевидящим оком,
кружится долго над фермой пустой,
над обесточенным током.

Белые крылья сложив в вышине,
смотрит и шепчет, рыдая:
«Братья и сестры, идите ко мне,
в двери небесного рая!

Там, в лучезарной долине из роз,
я вас от горя укрою.
Надо — построю вам новый колхоз,
новую школу открою!»

Спит население, лишь от души
хор насекомых стрекочет.
Невыразимо они хороши,
краткие летние ночи!

И, уставая бессильно сгорать,
падают звезды в осоку...
Полно, никто не хотел умирать
по отведенному сроку.

ВОДОЕМ

Листва и крыши. Листопад —
и сон в избушке над рекою.
Так было много лет назад
и стало символом покоя.

Ты брови темные не хмурь,
кидаясь в память за спасеньем, —
там было много грозных бурь
и отдых в холоде осеннем.

Там поле темное мертво,
и первый снег уже искрится.
И рада я, что ничего
из прошлого не повторится.

Я знаю, что прожить смогу
в какую хочешь непогоду.
И я стою на берегу,
подолгу вглядываясь в воду —

в осенний темный водоем
среди равнины безучастной,
где затихает дальний гром
любви и нежности напрасной.

БЕГСТВО В ОРЕНБУРГСКУЮ СТЕПЬ

Приблизится сумрачный срок
садов, облетевших дотла,
и будет лежать вдоль дорог
листва, что навеки легла.

И, стало быть, незачем нам
в узде свою волю держать.
Прозрачно по всем сторонам.
Настала минута бежать.

Оставь свой насиженный кров,
удаче доверься сполна:
меж дальних и ближних лесов
промчатся успей дотемна.

Порви эту тяжкую цепь
деревьев, стоящих стеной,
ворвись в Оренбургскую степь,
как в сердце России родной!

Великая мощь пустоты,
мороза хрустальная тишь.
Уральские сдвинув хребты,
все дальше и дальше летишь.

Так всякий отверженный сын,
узду намотав на кулак,
ввергался в просторы равнин,
в потоки борьбы и атак.

Гони же, усталый шофер,
вслепую сквозь ветер и снег!
Ты — мученик, выскочка, вор?
О том не узнают вовек.

И вот Оренбурга огни,
и вот этак крепей тепло.
Гони же, родимый, гони,
однажды и нам повезло.